

Чириков Евгений Николаевич

Эхо войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е14

Е14 **Евгений Николаевич Ч.**
Эхо войны / Чириков Евгений Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
216 с.

ISBN 978-5-521-30301-4

ISBN 978-5-521-30301-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

І. ЗДѢСЬ.

	<i>Стр.</i>
Война	7
Ихъ тайна . .	38
Добровольцы	51
Безъ крыльевъ . .	63
Дядя Алеша .	76
Герой	87
Чудо	99
Иванъ въ раю .	112
Сестра	119

ІІ. ТАМЪ.

Въ передовомъ отрядѣ	131
Свиданіе	163
Ночь въ обозѣ . .	181
Подъ огнемъ	208

І. З Д Ъ С Ъ.

В О Й Н А.

Есть на Руси такіе города, о существованіи которыхъ извѣстно только Господу Богу да исправнику. Нѣтъ о нихъ ни слова ни въ исторіи, ни въ географіи и неизвѣстно, кто и когда именно ихъ выдумалъ. Ничего о нихъ не говорятъ и ничего не пишутъ. Если посчастливится такому городку попасть въ печать однажды въ десять лѣтъ, то ужъ непремѣнно—во всѣ существующія на Руси газеты, потому что надо нѣчто сверхъестественное, чтобы заставить говорить о такомъ городѣ. Родился теленокъ о двухъ головахъ, баба разрѣшилась отъ бремени четырьмя младенцами, скончался житель ста пятнадцати лѣтъ отъ роду, волкъ забѣжалъ на улицы и покусалъ собакъ и жителей,—такія происшествія случаются именно въ этихъ городахъ, и лишь тогда читатели узнаютъ объ ихъ существованіи и задаются невольнымъ вопросомъ:

— Гдѣ же находится этотъ городъ?

Спросятъ случайнаго собесѣдника,—тотъ поморщится и отвѣтитъ:

— А чортъ его знаетъ!.. Въ первый разъ слышу.

Именно въ такомъ городкѣ и происходитъ то, о чемъ я буду рассказывать.

Лѣтъ десять прошло благополучно, и ничего не слу-

чалось столь значительнаго, что заслуживало бы занесенія въ лѣтопись города. Послѣднимъ такимъ событіемъ было объявленіе въ городѣ въ 1905 году слесаремъ Игнашкой республики, пораненіе имъ урядника и оскорбленіе исправника скверными словами при исполненіи служебныхъ обязанностей, за что слесарь Игнашка былъ судимъ и своевременно повѣшенъ. Съ тѣхъ поръ ничего не случалось, и жизнь шла, тихая и кроткая, отъ субботы до субботы, дня баннаго... Зимой заносило сугробами, весной заливало водой съ горъ, лѣтомъ поджаривало раскаленнымъ солнцемъ. Жители почему-то числились мѣщанами, но большинство кормилось хлѣбопашествомъ, поэтому и городокъ походилъ на большую деревню. Вся разница была въ томъ, что здѣсь имѣлась пожарная каланча, полицейское управленіе, двѣ церкви, одна изъ которыхъ называлась соборомъ, два трактира съ горячительными напитками, три «монопольки», базарная площадь и на ней четыре лавки подъ-рядъ, называемыхъ «гостиннымъ рядомъ», да еще на углу—аптека съ двуглавымъ гербомъ, съ остатками вылинявшей позолоты... Высшимъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ было уѣздное училище, и смотритель его чувствовалъ себя профессоромъ; высшимъ административнымъ лицомъ былъ исправникъ, чувствовавшій себя губернаторомъ; высшимъ духовнымъ лицомъ—о. благочинный и настоятель собора, чувствовавшій себя архіереемъ; высшимъ военнымъ лицомъ—воинскій начальникъ, подполковникъ, чувствовавшій себя полковникомъ. У небольшой горсточки служилой интеллигенціи здѣсь рождалось пріятное самочувствіе своей значительности и важности и потому всѣ были довольны, наполнены повышеннымъ самоуваженіемъ и считали себя центромъ мірового круговращенія. Старшій врачъ земской больницы, интеллигентъ въ ковычкахъ, чувствовалъ себя тоже

хорошо: только онъ одинъ выписывалъ толстые журналы и столичныя газеты, слѣдилъ за внѣшней и внутренней политикой, имѣлъ вполнѣ опредѣленное «міровоззрѣніе» и чувствовалъ себя самымъ умнымъ, образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ въ городѣ. Зимой, когда глубокіе сугробы хоронили маленькій городокъ, обрывая послѣднюю связь съ міромъ — «пароходство купца Тыркина и сыновей»,—вся эта горсточка великихъ людей маленькаго городка, отъ тоски и скуки, роилась около мѣстнаго клуба и за винтомъ «по маленькой» забывала о своемъ исключительномъ величіи и призваніи, превращаясь въ равноцѣнныхъ партнеровъ и собутыльниковъ. Немаловажную роль въ такомъ объединеніи игралъ здѣсь общій другъ и пріятель, стоявшій по своему общественному положенію внѣ конкуренціи, милѣйшій длиннѣйшій и плѣшивѣйшій Карлъ Ивановичъ, съ незапамятныхъ временъ живущій въ городкѣ аптекарь, одинъ изъ директоровъ клуба, главный хозяйственный распорядитель этого культурнаго учрежденія съ танцами, винтомъ и буфетомъ. Когда и откуда явился этотъ добродушнѣйшій обрусѣвшій нѣмецъ,—никто не зналъ и никто этимъ не интересовался. Казалось, что Карлъ Ивановичъ явился здѣсь при самомъ основаніи города. Всѣ жители съ дѣтства помнятъ, что на углу всегда висѣлъ двуглавый орелъ, а на окнахъ дома стояли всегда два огромныхъ пузыря—синій и красный, которые ночью казались огромными глазами какого-то чудовища и внушали простымъ жителямъ необыкновенное почтеніе и къ аптекѣ, и къ Карлу Ивановичу, заставлявшее ихъ переступать порогъ аптеки съ пугливымъ трепетомъ, ходить тамъ на цыпочкахъ и говорить тихо, со вздохами. Всегда на углу была вывѣска, на которой было написано по-русски и по-нѣмецки «Аптека», и всегда тамъ, за окнами, виднѣлась долговязая фигура

въ золотыхъ очкахъ, сползавшихъ съ рыхлаго ноздреватаго носа, фигура Карла Иваныча, приготовлявшаго таинственныя зелья въ ступкахъ и въ пузырькахъ. Никто не помнилъ даже, чтобы Карлъ Иванычъ когда-нибудь имѣлъ на головѣ волосы: всѣ помнили его уже плѣшивымъ. Карлъ Иванычъ былъ самый извѣстный и популярный человѣкъ въ городѣ: его знали рѣшительно всѣ жители, отъ босоногого уличнаго мальчишки съ мѣщанскаго двора до самого исправника. Больница была далеко, за городомъ, а потому горожане во всѣхъ спѣшныхъ случаяхъ предпочитали сбѣгать въ аптеку, наскоро посовѣтоваться съ Карломъ Иванычемъ и получить отъ него первоначальную помощь. Порубятъ руку, схватить брюхо, замазуютъ зубы,—

— Бѣги къ Карлу Иванычу!

Несмотря на такую популярность, никто не интересовался личной жизнью Карла Иваныча, и домашняя жизнь его шла совершенно стороною отъ такой же жизни горожанъ. Общаясь въ клубѣ, на улицахъ, въ аптекахъ съ жителями, Карлъ Иванычъ ревниво оберегалъ свой очагъ отъ посторонняго глаза. Не всѣ знали даже, что онъ, побывавъ прошлымъ лѣтомъ въ Либавѣ, выполнилъ, наконецъ, послѣдній пунктъ программы своей жизни: женился на миловидной нѣмочкѣ вдвое моложе себя и теперь наслаждался неимовѣрнымъ супружескимъ счастьемъ въ собственномъ домикѣ съ садомъ и огородомъ. Теперь почти все свершилось; аптека, приучившая Карла Иваныча къ точности и необычайной аккуратности, создала благополучіе и счастье, правда, немного поздно, на склонѣ жизни, но тѣмъ сильнѣе ощущеніе счастья. Теперь остались двѣ мечты: имѣть «цвей киндербъ» и побывать въ Берлинѣ. Что жъ, нельзя сказать, чтобы эти мечты были недостижимыми... Карлъ Иванычъ надѣялся...

Лѣто выдалось на рѣдкость сухое и жаркое. Отъ бездождья погорѣли хлѣба и травы. Раскаленное солнце, казалось, приблизилось къ землѣ, именно къ тому пункту ея, гдѣ, какъ ворона въ дорожной пыли, млѣлъ городокъ около небольшой обмелѣвшей рѣки. Днем городокъ казался вымершимъ: житель, раздѣвшись до исподняго, пребывалъ больше въ лежачемъ положеніи, въ осоловѣломъ состояніи, похожій на вынутую изъ воды засыпающую шуку. Только съ заходомъ солнца появлялись люди, направлявшіеся къ рѣкѣ, гдѣ стояла обсохшая пристань прекратившаго рейсы «пароходства купца Тыркина съ сыновьями». Здѣсь, на берегу, былъ небольшой бульварчикъ съ бесѣдкой, съ десяткомъ старыхъ березъ, съ полусгнившими лавочками, испещренными вензелями и женскими именами. Спустя часъ-другой послѣ возвращенія въ городъ стада, наполнявшаго улицы золотой пылью и мычаніемъ, начиналось, обыкновенно, движеніе мѣстной интеллигенціи на свой выгонъ—къ бульварчику. Шли парами, съ законными супругами подъ руду, шли цѣлыми семьями, шли и въ одиночку. Здѣсь встрѣчались, разсаживаясь въ бесѣдки и на лавочкахъ, какъ галки на пряслѣ, и какъ галки начинали болтать, наполняя сумерки тихаго іюльскаго вечера оживленнымъ гомономъ. Здѣсь можно было встрѣтить всѣхъ великихъ людей маленькаго города и узнать рѣшительно все, что дѣлается за наглухо занавѣшанными окнами выдающихся жителей. Здѣсь же можно было выказать и почувствовать собственное величіе, превосходство, образованность и прочія достоинства. Здѣсь же можно было встрѣтить «того, кто любитъ кого». Бульваръ около пристани пароходства «купца Тыркина съ сыновьями» лѣтомъ дѣлался центромъ общенія, вполне замѣняя пустующій теперь клубъ.

Въ этотъ вечеръ бульваръ былъ особенно многолю-

день. Появился даже рѣдкій на прогулкахъ гость — Карлъ Ивановичъ, и не одинъ, а подъ ручку съ молоденькой миловидной нѣмочкой. Понятно, что появленіе это было цѣлымъ событіемъ и взбудоражило всю бульварную публику. Правда, по городу ходили темные слухи, что Карлъ Ивановичъ женился; кто-то даже утверждалъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ изъ подъѣхавшей ночью къ аптекѣ пары съ колокольчиками Карлъ Ивановичъ снималъ женщину, но слухамъ этимъ не повѣрили и быстро о нихъ забыли. И вдругъ... тихимъ размѣреннымъ шагомъ, походкою длинноногаго безхвостаго страуса, шествуетъ знакомая фигура, полная новаго величаваго достоинства, подъ руку съ молоденькой бѣлокурой и голубоглазой Гретхень...

— Не можетъ быть!.. Сестра или родственница...

Мужчины провожали Карла Ивановича пытливымъ взоромъ и покручивали усы, женщины притихли и зашептались. Бульваръ какъ-то сразу притихъ. Любопытство разжигало женщинъ: неужели этотъ облѣзлый страусъ, дѣйствительно, женился на дѣвушкѣ, годившейся ему въ дочери? И почему онъ, гордо приподнятая свою соломенную шляпу, ни съ кѣмъ не знакомить свою жену?..

Дѣйствительно, Карлъ Ивановичъ велъ себя необычно. Можно было подумать, что онъ теперь уже не аптекаръ въ уѣздномъ городѣ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ... Если такое поведеніе Карла Ивановича оскорбляло дамское общество, то исправника оно прямо возмутило.

— Скажите на милость, какой генераль-губернаторъ!..—произнесъ исправникъ, когда Карлъ Ивановичъ не счелъ нужнымъ подойти къ нему, а отдѣлался также однимъ поднятіемъ новой панамы. Около исправника группировался большой кружокъ культурнаго обще-

ства и поэтому невниманіе аптекаря исправникъ почувствовалъ съ особенной остротою.

— Сейчасъ мы, господа, узнаемъ, что это за особа...

Когда Карлъ Иванычъ съ супругой тѣмъ же гордымъ шагомъ шелъ обратно, исправникъ крикнулъ и громко выкрикнулъ:

— Карлъ Иванычъ! На минуту!

Карлъ Иванычъ замедлилъ шагъ, тихо заговорилъ съ своей дамою, пожалъ плечами. Исправникъ понялъ свою не деликатность, всталъ со скамьи и пошелъ навстрѣчу. Публика наблюдала эту сцену издали и удовлетворенно улыбалась, видя, какъ Карлъ Ивановичъ представляетъ свою миловидную спутницу исправнику. Исправникъ пошелъ въ ногу съ Карломъ Иванычемъ вдоль бульвара, а на нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали любопытные. Участие исправника придавало смѣлости окружающимъ, и около бесѣдки Карлъ Ивановичъ былъ, наконецъ, атакованъ дамами и молодежью... Карлъ Иванычъ выдержалъ атаку съ достоинствомъ, не роняя своего величія.

— Мой супругъ!—рекомендовалъ онъ свою спутницу, дѣлая жестъ въ сторону смущенной раскраснѣвшей хорошенькой женщины. Несмотря на то, что Карлъ Иванычъ съ дѣтства жилъ въ Россіи, онъ такъ и не научился говорить по-русски правильно, вѣчно путая мужской родъ существительныхъ съ женскимъ. «Мой супругъ!»—о, это было такъ неожиданно и, главное, смѣшно. Дамы съ смѣющимися глазами разсматривали новаго члена своего общества и пытались заговорить съ нимъ, но ничего не выходило:

— Мой супругъ не можетъ по-русски!..

Это было еще смѣшнѣе... Молодоженовъ затащили въ бесѣдку, куда скоро сбилось все общество... Давно уже не было такъ весело, какъ въ этотъ вечеръ. Остри-

ли, шутили, смѣялись, молодежь изъ-за бесѣдки кричала «горько!»...

Въ этотъ моментъ на бульварѣ появился второй рѣдкій гость—старшій врачъ больницы. Онъ шелъ быстрой дѣловой походкой. Можно было подумать, что онъ идетъ къ тяжелобольному, а вовсе не на прогулку.

— Иванъ Федоровичъ! Куда вы?

Врачъ пріостановился, почти вбѣжалъ въ бесѣдку и, сдѣлавъ общій поклонъ публикѣ, спросилъ:

— Читали, господа, сегодняшнія газеты?

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Общимъ вниманіемъ продолжали пользоваться Карлъ Иванычъ съ супругою. Смотритель уѣзднаго училища внезапно проявилъ свою образованность: морща лобъ, напрягая всѣ мыслительныя способности, онъ неожиданно для всего общества заговорилъ съ супругою Карла Иваныча по-нѣмецки. Та хохотала, но отвѣчала, однако, такъ быстро, что смотритель пожималъ плечами, а Карлъ Иванычъ торопился переводить все на русскій языкъ.

— Мы наканунѣ величайшихъ событій!—громче произнесъ Иванъ Федоровичъ и привлекъ, наконецъ, къ себѣ вниманіе общества.

— Какихъ еще событій!—недовѣрчиво и апатично произнесъ исправникъ, называвшій врача «тайнымъ кадетомъ».

— Міровая война, батенька!..

— Пустяки!

— Да вы читали послѣднія газеты? Австрійцы бомбардируютъ Бѣлградъ...

Публика разбилась на двѣ группы: одна, незначительная, перешла къ горячему обсужденію внѣшней политики и возможной въ будущемъ войнѣ, а другая никакъ не могла оторваться отъ своей злободневной новости и ея виновниковъ. Карлъ Иванычъ былъ цен-